

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

“ПО РАВНОВЕЛИКИМ КРАЯМ МАТЕРИНСКОЙ ЗЕМЛИ...”:

Андрей Расторгуев. Земля крылатых яблонь: Стихи. — Екатеринбург: АсПУр, 2019.

*Я никому надежды не продаю — так отдаю.
Осталось ещё чуть-чуть.*

Из книги “Земля крылатых яблонь”

Стихи екатеринбургского поэта Андрея Расторгуева несут на себе достаточно отчётливый отпечаток стиля. В нынешнее время, когда стилевые особенности лирического письма очень часто подменяют собственно содержание поэтического высказывания — глубоко прочувствованного автором и лично окрашенного, — это обстоятельство, в отличие от прошлых литературных десятилетий, скорее настораживает, нежели привлекает: обман сочинителей-версификаторов в последние годы стал слишком частым. Однако острота зрения поэта и его способность видеть в густоте примет и деталей самую важную для него черту отодвигает в сторону прецеденты “поэтического иллюзионизма” и заставляет читателя поверить, что сейчас потаённый разговор будет вестись всерьёз и безо всякой пощады по отношению к *alter ego* автора.

Стилевая поэтическая походка Андрея Расторгуева берёт начало в устной речи. Здесь нередко так же скрадываются промежуточные слова, и сообщается сразу о главном: “... не говорим, как пишем, — а пишем, как говорим...” В таком поэтическом приёме присутствуют свойства эллиптической организации письма и синтаксического целого, но это, конечно, уже рациональные качества лирики Расторгуева. Куда важнее не фиксация языковых приёмов, но сама внутренняя мотивация такого построения стихотворного наблюдения

ЛЮТЫЙ Вячеслав Дмитриевич родился в 1954 году. Окончил Воронежский политехнический институт и Литературный институт им. М. Горького (1993, семинар критики), учился в аспирантуре. Заместитель главного редактора журнала “Подъём”. Литературный и театральный критик, публицист, автор ряда статей о постмодернизме и его российской литературной практике, цикла работ о современной русской поэзии. Лауреат многих литературных премий, в том числе премии Общественной палаты Воронежской области “Живые сокровища славянской культуры”, общероссийской премии по литературной критике “Русское эхо”, премии Союза писателей России “Слово-2017”, “Кольцовский край”. Награждён медалями им. В. М. Шукшина, Ф. И. Тютчева. Член Союза писателей России, председатель Совета по критике Союза писателей РФ. Живёт в Воронеже.

или рассуждения. И вот тут очевидно, что дистанция между автором и читателем уже определена заранее органическим “устройством” голоса поэта. Перед нами — разговор людей, взаимно понимающих и думающих похоже. Но не задушевных друзей, а скорее — единомышленников. Потому в стихах Андрея Расторгуева не часто встретишь исповедальные строки. Наиболее близок автору он сам, и признания лирического героя адресуются себе же. А читатель — свидетель происходящего и возможный судья. Но одновременно — товарищ, который поймёт и протянет ему дружескую руку.

В стихах Расторгуева чрезвычайно распространена консонансная рифма. Автор почти всегда заключает в неё новый смысловой импульс, который выводит прежде сказанное на иную высоту. Консонансная рифма здесь — это и вариация поэтического звука, и дополнительный оттенок смысла, который “держит” как целое слова стихотворения и сообщает строке энергию и волю. В применении такой стиховой практики видно желание автора отойти от гармонического сочетания элементов поэтического рассказа. Что, в свою очередь, наводит на мысль о душевном изломе, скрытой трещине в душевном устройстве лирического героя. И прежде всего — это отпечаток его принадлежности к современным дням, когда гармония в отношениях, в созерцании, в рассуждении кажется почти недостижимой.

Но, как бы подсознательно ощущая некий тревожащий душу ракурс, возникшую дистанцию в собственном восприятии гармонии, в развитии сюжета, Андрей Расторгуев старается закрыть эту трещину всем существом своим, всем остатком любви своей к земному миру. Не случайно в стихах его новой книги “Земля крылатых яблонь” наряду с парадоксальными образами и сближениями есть вечные акценты, которые остаются в сознании и сердце человека как изначально ему принадлежащие — они пропадут только с исчезновением его самого. Впрочем, в природе всё останется, но нас это обстоятельство уже никоим образом касаться не будет. . .

Речь о весне, о цикличном обновлении, а в бытийных координатах — о пасхальном Воскресении Спасителя:

*Пора надеть иные вещи нам —
земная тает седина.
Явилась вновь на Благовещенье
бесповоротная весна.*

*Бесповоротная, беспутная —
какие, к лешему, пути,
когда вода летит пробудная?
Ни переплыть, ни перейти...*

*Сошествие — не снисхождение,
когда по кругу, да не вспясть
рождение и возрождение
соединяются опять.*

Расторгуев видит пасхальные знаки во временах года — поднимая смысл и не отрицая естество. По-весеннему у него происходит борьба “между яростным светом и тенью”. Примечательно вот что. Наряду с присущей поэту сдержанностью речи и даже некоторой её “суховатостью”, в иных сюжетах у Расторгуева ткань стиха словно прорывает природная эмоциональность, когда человек просто не может не оценить могучие проявления стихии. Вместе с тем автору свойствен и иной путь. Его поэтический взгляд может следовать от Огня у Гроба Господня — к этапам жизни, к зрелой мысли и зрелому чувству, то есть — к нашему телесному присутствию в мире. Соединить далеко отстоящие предметы — умение редкое, тем более — соединить протяжённо, в лирическом рассуждении, а не в мгновенном образе-искре.

*По равновеликим краям материнской земли,
на волю ветров полагаясь и вышнюю волю,
порой молодою мы тоже зажгли — и сожгли
страстей и желаний немереных добрую долю.*

*Но смысла завидовать нынешней гостии нет,
без точки страница, не время ещё устранишься —
не молниеносный и не ослепительный свет
яснее горит и ровней на дороге струится.
Души не травы и смятенного сердца не рви.
Кто истинно ведаёт: вечное — не за горами,
поймёт, сколько в ярое пламя добавит любви,
чтоб и малoverные лицами не обгорали.*

Надо сказать, что стремление сопрягать далёкое и близкое для поэзии свойство почти родовое. В одном случае это проявляется едва заметно, как будто на уровне акварели, в другом — подчёркнуто и колко, словно являя собой “лирическую смелость” автора. У Андрея Расторгуева, кажется, все вещи равновелики и находятся в пределах прямой досягаемости. Однако это не черта тайного демиурга, но — примета частицы мира, которая равноправна со всеми иными его частицами и в состоянии быть с ними рядом, а порой — и заменить их, в случае надобности.

Поэт проникает поколения и эпохи, культурные слои и языковые пласты, житейское и одухотворённое — и нигде не выглядит ряженым странником, а предстает вовлечённым в бытие человеком, который всякий раз находит верные краски и слова, дабы передать наиважнейшие оттенки события и облик его участников. В одном из стихотворений автор как бы “проговаривается”, обозначая то, что движет им изнутри: “Это тяга к земле, а не в землю...” Признание звучит в памяти и накрывает своими отголосками другие сюжеты и картины.

Чувство пространства и чувство земли, изменчивой и прекрасной, насыщает стихи Расторгуева. И он, как будто осязая движение времени, прикрепляет эти чувства к живому окоёму, в котором сам находится, проживая свой век. Ориентиры и приметы небесные для автора, несомненно, важны — однако всё вышнее в его стихах так или иначе отдалено от лирического героя. Видны незримые силовые линии, которые притягивают человека к Небу. Но всякий раз в интонациях Расторгуева при разговоре о “высшей инстанции” неуловимо присутствует отчётливо ощущаемое расстояние между земным поступком, земной душой — и непостижимым законом, которому подчиняется мировой распорядок. Можно сказать, что поэт со скрытой горечью поверяет Небо простой жизнью. Иной раз — рационально, житейски: сердце тянется к сокровенному и святому, а ум, подобно Фоме неверующему, стремится найти реальные воплощения Царства Небесного. Тем не менее сочетание “плотного” и “тонкого”, пройдя проверку душевную и художественную, порой претворяется у Андрея Расторгуева в удивительные образы, развёрнутые текстуально и опрокинутые в русскую природу, русскую историю и русский характер.

*Дождя и ангела в дорогу.
Дорога мокрая — так то ж?
Езжай пораньше, понемногу,
не превышай — на то и дождь.*

*А после в воздухе высоком
под наволокой голубой
следящий ястреб или сокол
крыла расправит над тобой.*

*Но ты недоброю приметой
не почитай их зоркий труд —
то ангелы нас эстафетой
из клюва в клюв передают.*

Постоянно в стихах всплывают подобные подтверждения его привязанности к родной почве: “жить, не тужить о чужой земле — хоть бы и лес валить”; “по открытому минному русскому полю не окончены наши пути”. Наперекор холодному зверю Левиафану, пожирающему неприкаянные души, “придёт весёлый зверь единорог и приведёт горбатого коняшку”. Здесь “Левиафан” —

эмблема надменного западного мира, а “горбатый коняшка” – иносказательное изображение Конька-Горбунка, воплощения доброй метафизической силы, тепло укоренённой в русской традиции.

Непостижимая роль России, лежащей между “восходом”-Востоком и рациональным Западом, между сгорающими лесами и полыхающей степью, изображена поэтом в историософском смысле, кажется, вполне отвлечённо. Но поэтический образ Дерева, отзывающегося на все события в мире – на “примороженный ветер” и “затяжные дожди”, у раскинутой кроны которого “обугливаются края, поразительно точно выражает чувственное восприятие родной земли русским человеком как драгоценной сердцевины бытия. Не уходящая с веками грусть, тень какого-то почти необъяснимого жизненно-го ущерба соединяются здесь с интуитивным ощущением великой и трагической судьбы:

*Вот и стою пока, укрепляем то ли
страхом посмертным, то ли семейным долгом.
Да вот ещё — не смейтесь — родное поле:
слово короткое, а на дыханье долгом.*

Следует сказать о роли цвета в стихах Андрея Расторгуева. Цветовая палитра у него весьма скупая, живопись автору менее близка, нежели графика. Как уже было в истории русского изобразительного искусства, здесь в чёрно-белый рисунок вводится одна-две краски – и это добавляет тепла в изображение происходящего, придаёт авторскому голосу дополнительную мягкость. У Расторгуева движутся предметы и люди, меняют свой облик стихии, реальная жизнь соизмеряется с запредельной, житейское правило становится рядом с идеалом. Не будь цветовых оттенков в этой поэзии, она, возможно, выглядела бы жёсткой и даже отчасти ригористичной. Однако стихи Расторгуева находят свой, весьма необычный путь к сердцу читателя, не исключая компромисс и грусть, иной раз – сомнение в порядке вещей и в собственных словах. Дистанция между автором и читателем незаметно уменьшается, а слова поэта без напряжения вписываются в яркую картину окружающего мира. Притом, что в самой материи стиха у Расторгуева отчётливо видно стремление к *остранению* изображаемого (“речка Белая Холуница земляные породы трёт”; “пока вороха крылатые подымутся на юга”) и конструктивистскому ходу речи, вполне самобытному. Хотя Семён Кирсанов и аукнется на мгновение в стихотворении “Не своди устало рот...”, – но тут же и исчезнет, потому что вещь Расторгуева хороша уже сама по себе.

Драматургия поэтических сюжетов у Андрея Расторгуева охватывает устройство мира и взаимоотношения мужчины и женщины, несовпадение важнейших смыслов Земли и Неба, едва ли не противостояние собственной молодости и зрелости. Здесь неизменно присутствует глубинное чувство рода, а временами – внимательный и отстранённый взгляд на холодный Запад. И всякий раз в интонации автора проявляется мужская воля и сознание собственной ответственности за родное и близкое. Мысль не гасит чувство, но как бы обручается с ним посредством филигранного художественного образа. Порой само течение лирического рассказа у поэта вовлекает в поле зрения и слуха, кажется, необязательные вещи: звук или сочетание слов представляются слегка нарочитыми. Но всегда последние строки стихотворения объёмно и точно заключают движение событий и картин.

*А возвращается крупица...
Но сладкой жалости не трать.
Ирга испробована птицами —
пора и нам пособирать.*

*Пускай летят на ягоды они —
неисчерпаем летний сад,
пока рожают наши яблони
и женщины плодоносят.*

Андрей Расторгуев в поэтическом поле — фигура достаточно одинокая. Его слегка суховатая речь, умение пробовать на излом строку, парадоксальное соединение вещей взаимно далёких, высокая культура стиха, впитавшая в себя наработки прежних литературных эпох, — всё это делает Расторгуева узнаваемым и разительно не похожим на коллег по лирическому цеху. Герой его стихотворений — человек рубежа тысячелетий, в котором почва и цивилизация соединились особым, причудливым образом. В нём не найти согревающих душу упований на завтрашний день, в котором возобладает справедливость и правда. В каком-то смысле его лирический герой — человек изверившийся. И всё-таки, не отделяя себя от многострадального и стоического русского мира, интуитивно чувствуя дыхание истины, поэт уже поэтому оказывается частью общей надежды на лучшее — хотя бы и противореча порою самому себе.